

УДК 930.23+321.72+321.64

Ю.В. Куперт, А.В. Луценко

МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? (ОПЫТ ТЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ). ЧАСТЬ I

Проводится анализ ключевых характеристик современного западного общества, основанного на организационных принципах рыночной экономики, политической демократии и либеральной идеологии; устанавливается влияние этих организационных принципов на стабильность социальной системы; характеризуются основные возможности альтернативной системы общественных отношений, базирующейся на принципах «экономики жизнеобеспечения», авторитарной политики и идеологии коллективизма. В основу исследования положены закономерности всеобщей организационной науки тектологии А.А. Богданова.

Ключевые слова: тектология, рынок, демократия, либерализм, жизнеобеспечение, авторитаризм, коллективизм.

1. О тектологии и её создателе

Жизнь Александра Александровича Богданова (Малиновского) (1873–1928) и значение его научных открытий остаются по сей день в ряду неполно исследованных феноменов истории российской и мировой науки. Между тем даже беглого ознакомления с творческой и просветительной деятельностью этого мыслителя достаточно для констатации того, что Богданов был ученым нетипичной судьбы даже по меркам чрезвычайно сложного времени для России рубежа XIX и XX вв. Начав с того, чем обычно завершают карьеру маститые учёные, никому не известный юноша стремительно ворвался в научный мир: в возрасте двадцати пяти лет он стал признанным автором лучшего в России учебника экономики – кстати, единственной на тот момент подобной книги, написанной в рамках марксистской методологии. Кроме «Краткого курса экономической науки», доступного пониманию даже простого рабочего, перу Богданова принадлежат десятки монографий и учебных пособий, сотни статей по экономике, философии, социологии, политологии и медицине, два научно-фантастических романа, поэма, несколько стихотворений и рассказов. Многие из его литературных и научных сочинений было издано за рубежом и там пользовалось популярностью не меньшей, чем в России начала XX в.: по итогам специальных опросов, Богданов был признан наиболее читаемым писателем-обществоведом [1. С. 77].

Интерес современников к его незаурядному творчеству и в самом деле оказался огромным скорее всего по причине того, что богдановские работы, написанные на стыке гуманитарных и естественных наук, помогали читателям увидеть актуальные проблемы под неожиданным, нетрадиционным углом зрения и благодаря этому найти их нетривиальное решение.

Особое место в научном наследии Богданова занимает «Всеобщая организационная наука (тектология)», над которой он работал в течение последних пятнадцати лет своей жизни. Термин «тектология» (от греч. tekton – плотник, строитель, создатель, творец, и logos – учение, слово) был введён в научный лексикон в 1866 г. немецким учёным-биологом Эрнстом Геккелем (1834–1919) для описания строения и механизмов развития одноклеточных организмов. А.А. Богданов использовал этот уже известный науке термин более широко, исходя из того, что динамика преобразований не только биологических, но и любых созданных природой и человеком систем (в последнем случае – и материальных, и духовных), подчиняется одному и тому же набору организационных закономерностей, число которых относительно невелико. В пользу этого вывода Богданов говорил, в частности, массовое внедрение в первые десятилетия XX в. разнообразных технических устройств, так или иначе «подсмотренных» у живой природы, – начиная от планерных крыльев, поначалу полностью копирующих птичку, и заканчивая гидрофонными датчиками, функционально воспроизводящими органы слуха морских млекопитающих. А если учесть, что возникшая в тот же период наука этология позволяла обнаружить немало тождественных закономерностей в массовом поведении животных и людей, причём мыслители наподобие Гюстава Лебона (1841–1931) всерьёз рассматривали возможность практического применения этих закономерностей в управлении обществом, то в свете подобных фактов тектология Богданова представляется закономерным проявлением долговременной тенденции развития естествознания.

Впрочем, обращение к проблемам организации и организованных систем для самого Богда-

нова наверняка определялось другими – столь же неслучайными – причинами. На каком-то этапе агитационно-просветительной работы учёный обнаружил, что, хотя познание и начинается с изучения базовых элементов исследуемого явления, однако сам процесс подчинён строго определённым правилам. Это как с азбукой, которая лишь для безграмотного человека ряд ничего не значащих закорючек, палочек, кружочков. Но для овладевшего навыками чтения слова, образованные из элементов алфавитного ряда, или, по терминологии Богданова, упорядоченно организованные, наполняются чётко обозначенным смыслом – *своим для каждого набора букв из азбуки национального языка*. Ещё в 1904 г. учёного не оставляла мысль, что элементы познания «не являются нам в отдельности, а всегда *в сочетаниях*, разными способами и в разной мере организованных» [2. С. 30–31]. Как любил повторять сам учёный, «наивные противоречия мысли» возникают в обстоятельствах, когда анализ события или явления происходит вне связи с другими, ему предшествовавшими и сопровождавшими. Такой подход более всего похож на попытку вникнуть в содержание фразы, вырванной из контекста: смысл в этом случае будет гарантированно искажён.

Чтобы факты многогранной человеческой деятельности служили побудительными ориентирами для поиска ассоциативных соответствий прошлого и настоящего, чтобы каждый человек овладел умением направлять мыслительный процесс в русло научной методологии и сочетать чёткость анализа с адогматической открытостью новым идеям, сам Богданов отдал добрую половину своей творческой жизни изучению общих принципов формирования сложных общественных систем, хода их развития, а также управления механизмами преобразовательных процессов. Учёный искал способ сопоставить взаимозависимые общественные элементы, ориентируясь на приемы, какими математик осуществляет аналитическое сравнение величин, а также стремясь обнаружить закономерности, которые могли бы выполнить роль универсальных методов, облегчающих процесс познания и анализа мирового опыта.

В ходе изысканий Богданов сформулировал 12 основных тектологических закономерностей, послуживших основой прогнозирования социально-экономических трансформаций в мире. Благодаря этой принципиально новой методологии сам учёный с высокой точностью обрисовал состояние общества, как минимум, на столетие вперёд [3].

Соратник и близкий друг А.А. Богданова В.А. Базаров писал о «Всеобщей организационной

науке» следующее: «В основе Тектологии лежит понятие организации. <...> “Организацией” Богданов называет такое сочетание элементов, которое создает более значительную совокупную активность, или, что то же, – более значительную сопротивляемость внешним воздействиям, чем арифметическая сумма активностей-сопротивлений всех элементов, взятых в отдельности. Следовательно, в организованном комплексе целое *больше арифметической суммы своих частей*. Если целое *меньше* суммы [своих] частей, то мы имеем не процесс организации, а процесс *деорганизации*. Наконец, если целое в точности *равно* сумме слагаемых, то перед нами *нейтральный* комплекс. Практически нейтральные комплексы являются результатом равновесия между организующим и дезорганизующим процессами. А так как при бесчисленном множестве хаотически сталкивающихся друг с другом активностей-сопротивлений шансы получить в итоге организующий и [ли] дезорганизующий эффект приблизительно одинаковы, то нейтральные комплексы, или, точнее говоря, системы подвижного равновесия, близкие к нейтральности, представляют очень обычное явление в мире нашего опыта» [4. С. 118].

Применение этой необычной методологии системного анализа к исследованию современной социально-экономической ситуации представляет определённый научный и практический интерес.

2. Тектологические характеристики триады «рынок – демократия – либерализм»

Значительная часть современных философов вслед за знаменитыми Карлом Поппером и Френсисом Фукуямой определяют магистральный путь развития человечества через сочетание трёх факторов, которые характеризуются как объективные показатели прогресса. К этим факторам относят:

1) экономическую систему, основанную на механизмах *свободного рыночного распределения* жизненных благ;

2) политическую систему, ориентированную на *демократические нормы* организации власти и управления;

3) систему идеологических представлений, базирующуюся на *либеральных ценностях*.

В основе представлений о том, что именно данная «символическая тройка» определяет перспективы и конечные цели развития мировой цивилизации, лежат следующие группы отчётливо наблюдаемых исторических фактов:

а) *силовое доминирование* в современном мире именно тех стран, которые сочетают в своём внутреннем устройстве рынок, демократию и либерализм (при этом под силовым доминированием понимается

не только военное, но и экономическое могущество, зачастую сводимое целиком к финансово-капиталистической сфере); из этого делается вполне логичный вывод, что при изначально равных условиях сильнее становится тот, кто динамичнее развивается и эффективнее приспосабливается;

б) обусловленный силовым доминированием *высокий уровень потребления жизненных благ* в указанных странах (по оценкам некоторых экспертов, $\frac{1}{5}$ населения Земли потребляет примерно $\frac{3}{5}$ всех природных ресурсов планеты); из этого делается не менее логичный вывод, что лучше живут именно те, кто в своём развитии опередил конкурентов и занял оптимальное положение в мире;

в) вытекающее из силового доминирования и высокого уровня потребления *культурно-идеологическое господство*, находящее своё выражение не столько в феномене «массовой культуры» (примером коей может служить Голливуд), сколько в расширенном экспорте определённой социальной и политической философии, признающей единственным эталоном цивилизованности наличие в общественной жизни страны пресловутой «символической тройки» в виде рынка, либерализма и демократии (при этом любое отступление от этого единственного эталона априори провозглашается «неправильным» и «аномалией исторического развития», подлежащей немедленному исправлению).

Все названные группы фактов отчётливо проявились в западной истории во второй половине XX и начале XXI в. Выводы, делаемые на их основе, как правило, подразделяются на апологетические (типичный пример – работа Ф. Фукуямы «Конец Истории и Последний Человек» [5]) и критические, сводимые в основном к тому, что рынок, демократия и либерализм не способны решить существующие проблемы даже на уровне отдельных стран, не говоря уже о глобальном масштабе (типичный пример – работа А.В. Бузгалина «Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи» [6]). Однако приверженцы обеих точек зрения оставляют без внимания *причины* укрепления стран, использующих триаду «рынок – демократия – либерализм» в качестве организационной основы своей государственной и общественной жизни, а равно избегают оценивать *перспективы* развития общества, отношения в котором базируются на данной «символической тройке». И если такая позиция апологетов хотя бы объяснима (по меньшей мере, нелогично доискиваться до подлинных причин успеха, который рекламируешь и хвалишь, – можно элементарно лишиться объекта восхваления; да и пытаться обри-

совать какие-либо перспективы, кроме радужных, тоже чревато разрывами в логике апологетических рассуждений), то аналогичные действия критиков (которым нет нужды опасаться подорвать логическим анализом собственную позицию) позволяют предположить, что *и сторонники, и противники системы «рынок – демократия – либерализм» не обладают адекватной методологией анализа данной формы общественных отношений.*

Если говорить об *истоках* триады «рынок – демократия – либерализм», то они представляются достаточно хорошо изученными и сторонникам и противникам оценки данной триады как магистрального пути развития человечества: демократия известна со времён легендарного афинского законодателя Солона и подробно проанализирована ещё в трудах Платона и Аристотеля; рынок как сфера обмена товаров провозглашается едва ли не ровесником цивилизации; наконец, либеральная идеология имеет «возраст» примерно в четверть тысячелетия. Однако анализ воздействия элементов этой триады на социальную систему (и, соответственно, на ту цивилизацию, которую они призваны двигать вперёд по пути прогресса), как правило, подменяется у апологетов декларативными рассуждениями об априорной привлекательности рынка по сравнению с любыми другими формами товарообмена, демократии – по сравнению с любыми другими формами государственного устройства и либерализма – по сравнению с любыми другими формами общественной идеологии. В качестве основы этой априорной привлекательности провозглашается «свобода», понимаемая как отсутствие принуждения, ограничений и контроля над личностью. Противники этой точки зрения, как правило, лишь используют другой набор деклараций, апеллирующий к моральной недопустимости толкования свободы как вседозволенности, закономерно ведущей к хаосу, который элементарно опасен для жизни людей. В крайнем случае к этим декларациям добавляются ссылки на примеры относительно более высокой успешности недемократических политических систем с нерыночной экономикой и нелиберальной идеологией по сравнению с «либерально-рыночными демократиями» в тот или иной исторический период.

В итоге спор сторонников и противников представления о триаде «рынок – демократия – либерализм» как магистральном пути развития человечества грозит превратиться в схоластическое противостояние статических мировоззрений, закрытых от изменения. Чтобы этого не произошло, следует взглянуть на проблему с принципиально иной точки зрения – организационной, тек-

тологической, предложенной А.А. Богдановым ещё в начале XX столетия.

С этой точки зрения анализ ситуации начнётся с постановки четырёх принципиальных вопросов, определяющих функциональное значение элементов триады в жизни общества:

1) какие виды рационально-целесообразной экономической деятельности людей в действительности организует рынок?

2) какие виды рационально-целесообразной политической деятельности людей в действительности организует демократия?

3) мировоззрение каких социальных групп в действительности организует либеральная идеология?

4) как соотносятся с реальной жизненной практикой общества декларации апологетов рынка, демократии, либерализма?

Ответы на эти вопросы помогут принципиально определить, какой именно путь развития человечества действительно является магистральным.

Если рассматривать вопросы по порядку, то рынок как сфера обмена товаров и услуг представляет собой область экономической деятельности, функционально связанную с материальным производством, точнее, *выполняющую по отношению к материальному производству служебные функции распределения произведённых жизненных благ*. Возражения о «самодостаточности» рыночной деятельности легко опровергаются тем, что при отсутствии производства жизненных благ на рынке будет попросту нечего и не на что обменивать, поскольку даже современная «экономика знаний» не устраняет факта материальности человека как биологического существа и, стало быть, материального характера его базовых жизненных потребностей.

Если рассмотреть институт рынка более детально, то обнаруживается ряд явлений, которые А.А. Богданов называл «дезингрессиями», т.е. частичных структурных дезорганизаций, ведущих к прогрессирующему обособлению элементов системы. Наиболее существенной в этом ряду рыночных дезингрессий будет *конкуренция*, со времён Т. Мальтуса считающаяся едва ли не главным «двигателем прогресса». Однако при анализе конкуренции с организационной точки зрения ситуация выглядит иначе: целью деятельности конкурентов в борьбе за потребителя объективно является не повышение качества товаров и услуг (это – лишь одна из технологий привлечения потребителей, причём самая ресурсоёмкая и потому не основная), а *вытеснение соперника с рынка*, для чего могут использоваться *абсолютно любые способы*.

Наглядной иллюстрацией данной закономерности может служить хотя бы предыстория учре-

ждения знаменитой Нобелевской премии. Знаменитый изобретатель и ведущий производитель динамита Альфред Нобель в 1867 г. выкупил и на 20 лет «упрятал» патент, выданный его соотечественникам, инженерам Ольсену и Норбину, которые разработали технологию производства более дешёвых и безопасных в использовании взрывчатых веществ на основе аммиачной селитры [См., напр.: 7. Р. 5]. Такое устранение конкурентов способствовало сверхобогащению «динамитного короля», снабжавшего своей продукцией горнорудные предприятия и армии всего мира. Видимо, чтобы загладить свою вину, Альфред Нобель завещал средства, полученные от продажи динамита, использовать для поощрения людей, проявивших талант в физике, химии, медицине, физиологии, литературе и деятельности по укреплению мира. Не менее наглядным примером будет и история знаменитого треста Standard Oil, основанного в 1870 г. Джоном Д. Рокфеллером: снижение издержек на доставку нефтепродуктов конечному потребителю эта компания осуществляла не за счёт совершенствования технологий, а за счёт... скупки пустой тары для перевозки нефти (цель – не использовать её самому, как можно было бы предположить, а лишь «увести из-под носа» у конкурентов, чтобы им не в чем было перевозить свою продукцию), секретных соглашений с владельцами железных дорог (в результате продукция фирмы Standard Oil перевозилась за половинную цену, а конкуренты – нефтяные компании Empire и «Пенсильвания» – были вынуждены оплачивать уже полторную стоимость перевозок) и подкупа политиков на уровне штата и выше, а также организации массовых беспорядков (примеры – «деповский бунт» 1877 г. в Питтсбурге и «бойня в Лудлоу» 1913 г., обернувшиеся десятками убитых и сотнями раненых). (Подробнее о рокфеллеровских методах конкуренции см., напр.: [8. С. 90–91]).

Таким образом, вследствие конкуренции предприятия или организации, принадлежащие к одной отрасли производства и объективно выполняющие в системе жизнеобеспечения общества одну и ту же функцию, действуют не по принципу объединения усилий, а по принципу их разделения, расходуя часть собственных ресурсов не на производительную работу, а на борьбу за вытеснение соперников с рынка. Последовательная реализация этой более чем своеобразной формы «сотрудничества» применительно к отдельным личностям (например, если рассматривать такое специфическое явление, как *конкуренция на рынке труда*) порождает ещё более отчётливые дезорганизующие тенденции:

1) при конкуренции на рынке труда максимальные шансы на трудоустройство имеет не тот работник, который более опытен и профессионально подготовлен, а тот, кто в большей степени морально и психологически готов выполнить ту же работу за меньшую плату и менее требователен к условиям труда, включая сюда и нормы безопасности (любая другая линия поведения невыгодна работодателям, не поощряется ими и в силу этого не может закрепиться в качестве массовой); подтверждающий пример – продолжающееся возрастание численности «гастарбайтеров» в экономически развитых странах: при заведомо более низкой квалификации иммигранты из слаборазвитых регионов тем не менее получают работу быстрее и легче, чем работники из числа местных жителей, – лишь потому, что труд иммигрантов намного дешевле;

2) соответственно, меняются требования к профессиональной подготовке работника, от которого теперь требуется только умение выполнять чётко определённую последовательность стандартных операций, продуманных за него специалистом-технологом и в норме приводящих к достижению запланированного результата; ни о «технической сознательности» периода «промышленного переворота», ни о точном техническом знании последующей индустриальной эпохи здесь уже нет и речи; подтверждающий пример – так называемые Болонские стандарты высшего профессионального образования, полностью заменяющие целостную систему специализированных знаний на ограниченный набор профессиональных компетентностей;

3) закономерным итогом этого становится ослабление социально-коммуникационных навыков как непосредственно в трудовом процессе, так и за его пределами: работник утрачивает желание понимать тех, кто обладает другим набором узкоспециализированных навыков, а всех, кто обладает сходными «компетентностями», воспринимает как потенциальных соперников в трудоустройстве и карьерном росте; в результате общество «атомизируется», дробясь буквально на отдельные личности, каждая из которых, взятая сама по себе, обладает крайне низким потенциалом самостоятельной деятельности.

Ситуацию, подобную изложенному выше, А.А. Богданов ещё в работах 1904–1906 гг. определял как «отрицательный общественный подбор», при котором высокоорганизованные и сложные формы вытесняются более простыми и менее организованными. Итогом «отрицательного подбора» учёный считал структурное упрощение системы за счёт уменьшения количества взаимодействующих элементов и ослабления связей между

ними; обратной стороной такого упрощения, согласно закономерностям тектологии, всегда является снижение устойчивости системы как целого и, соответственно, повышенная уязвимость всех составных частей для дезорганизующих воздействий извне. Применительно к рыночной конкуренции это находит выражение не только в периодически повторяющихся кризисах, но и в прогрессирующем дроблении социума на противостоящие друг другу «меньшинства», обособленные по различным аспектам образа жизни и труда. Такова в общих чертах *первая линия социальных дезинтегрессий, органически связанных с рыночной экономикой* (с её конкурентными аспектами).

Что касается *второй линии дезинтегрессий*, то она порождается системой приоритетов экономической деятельности в условиях рынка. Здесь необходимо помнить, что главной целью любой хозяйственной деятельности в рамках рыночной экономики аксиоматически-безоговорочно признано *получение максимальной прибыли*: против этого тезиса не возражали не только современные неоллибералы-монетаристы Чикагской школы, но и классики наподобие Карла Маркса. Конечно, оценочное отношение к приоритету прибыли над другими целями хозяйственной деятельности никогда не совпадало в разных экономических школах, но сам факт своеобразной «прибылеориентированности» интегрированных в рынок предприятий никогда не подвергался сомнению, шла ли речь о микроэкономическом уровне региональных рынков (как в политической экономии до Маркса), макроэкономике национальных рынков (А. Смит, Д. Рикардо, Д.С. Милль, К. Маркс, Д. Кейнс, М. Фридман) или о глобальной мир-экономике (Ф. Бродель, И. Валлерстайн).

Этот феномен был подробно проанализирован А.А. Богдановым ещё в начале 1920-х гг. Учёный отметил, что однобокая ориентация финансового капитала на получение максимальной прибыли без учёта интересов жизнеобеспечения общества формирует деструктивную социально-экономическую стратегию: капитал активно перемещается в немногие отрасли, которые обеспечивают ему стабильный рост прибылей, сокращая вложения в другие отрасли и фактически оставляя их «на голодном пайке». Последовательная реализация этой стратегии, по Богданову, обеспечивает режим наибольшего благоприствования, в конце концов, *всего двум отраслям хозяйства*, а именно *рынку ценных бумаг и военной промышленности*.

В отношении первой отрасли ситуация относительно проста: выпуск ценных бумаг, т.е. обменных знаков, обладающих только виртуально-

символической ценностью, в действительности представляет собой производство высоколиквидной продукции с самыми минимальными издержками (среди финансистов известна следующая задача-шутка: «На продажу выставлена картина Рафаэля стоимостью 100 000 долларов. Араб предлагает нефть, русский – золото, а американец выкладывает пачку стодолларовых банкнот и покупает картину. Вопрос: сколько в действительности заплатил американец? Ответ: тридцать долларов, потому что стоимость печати одной стодолларовой банкноты – 3 цента!»). Сбыт ценных бумаг обеспечивается за счёт интенсивной рекламы и других технологий манипуляции общественным сознанием. Созданное таким способом доверие потребителей превращает акции предприятий в своеобразное «бумажное золото», используемое в качестве платёжного средства в операциях рыночного обмена. Специфика ситуации в том, что «бумажное золото», в действительности не обеспеченное ничем, кроме сформированного доверия потребителей, обменивается на реальную продукцию общественного труда. В условиях социально-экономической стабильности подобные обмены могут осуществляться сколь угодно долго, и сам факт длительного присутствия крупных эмитентов ценных бумаг на рынке способствует укреплению доверия к производимому ими «бумажному золоту». Более того, организации, выполняющие сугубо служебные функции в отношении материального производства, – биржи, трастовые фонды, кредитные учреждения, – в такой ситуации чем дальше, тем отчётливее превращаются в силу, регулирующую и производство, и рыночное распределение. Правда, с точки зрения Богданова, такое регулирование осуществляется лишь от случая к случаю «тогда и постольку, когда и поскольку это требуется интересами акционерно-кредитной <...> эксплуатации» [9. С. 431], состоящими в извлечении максимальной прибыли, и связь организующих учреждений с производством «напоминает вассально-сюзеренные отношения слабо спаянных феодальных группировок» [9. С. 432]. В условиях стабильности этого вполне достаточно для функционирования хозяйственной системы страны или даже группы стран, но любое деструктивное внешнее воздействие дезорганизует систему обращения «бумажного золота» тем сильнее, чем дольше она до этого функционировала в условиях мира и устойчивого рынка.

Что же касается военной промышленности, то её сверхприбыли, по Богданову, обусловлены тремя факторами. Прежде всего, рынок вооружений – это рынок дорогостоящей продукции с гарантиро-

ванным сбытом, поскольку главным и зачастую единственным потребителем этой продукции является государство, представляющее собой покупателя, который, в отличие от прочих, всегда платежеспособен, практически не знает форс-мажорных обстоятельств и потому не нарушает заключённых контрактов. Соответственно этому, вложение капиталов именно в сферу производства оружия уже является гарантией возврата вложенного с внушающими интерес процентами. Далее, как отмечал Богданов, спрос государства на оружие, в отличие от спроса на товары народного потребления, не порождает никакого дополнительного предложения товаров в других сегментах рынка [9. С. 432, 434]. Богданов называл это «законом цепной связи», согласно которому изменения в одном из элементов системы непременно порождают соответствующие изменения в других, связанных с подвергшимся воздействию элементом. В качестве примера можно сослаться на то, что расширение жилищного строительства, т.е. удовлетворение спроса на жильё, как правило, порождает дополнительный спрос на отделочные материалы, мебель, транспорт и т.д., что, в свою очередь, влечёт увеличение спроса на продукцию химических, лесоперерабатывающих, металлургических предприятий, за которыми начинают «тянуться» машиностроение, энергетика и т.п. При производстве вооружений «цепная связь» существенно короче, затрагивает меньше отраслей и, главное, практически не влияет на личное потребление рядовых работников, требующее дополнительных социальных расходов и тем самым снижающее прибыльность работ (хрестоматийный пример – бисмарковское: «Пушки вместо масла»). В условиях стабильности два отмеченных выше аспекта вполне достаточны для того, чтобы интерес к военному производству у крупных держателей капитала был велик. Но при малейших признаках нарушения стабильности начинает действовать третий аспект милитаризма: когда «бумажное золото» чрезмерно широко распространено в межгосударственных расчётах, мощные вооружённые силы зачастую оказываются единственной гарантией платежеспособности страны, фактически живущей в кредит у своих соседей, колоний и т.п.

На практике это может принимать самые разнообразные формы – от «маленьких победоносных войн» за контроль над сырьевыми месторождениями и новыми рынками сбыта «бумажного золота» до дипломатического давления на слишком требовательных кредиторов, – но результат всегда оказывается один: создание безопасных условий для продолжения безответственных спе-

куляций на рынке ценных бумаг. Судьба всех остальных отраслей экономики, необходимых для жизнеобеспечения населения, но не способных обеспечить столь высокий уровень прибыльности, чем дальше, тем отчётливее сводится к *превращению в служебные элементы рынка ценных бумаг*: уже не «бумажное золото» выпускается для нужд развития производства, а, наоборот, производство расширяется и сокращается в соответствии с представлениями группы собственников-акционеров о целесообразных изменениях стоимости «бумажного золота» в зависимости от уровня планируемых дивидендов. В результате обусловленное конкуренцией работников прогрессирующее дробление общества приобретает весомый организационно-экономический базис в виде обособления «белых воротничков» (в большинстве своём именуемых в наши дни «офисным планктоном») от «синих» с одновременным сокращением численности последних и переподготовкой освободившихся работников для сферы услуг.

Подобная система экономических отношений может успешно функционировать лишь в «тепличных» условиях мира и стабильности, когда уровень производства всех жизненных благ, как минимум, достаточен для покрытия базовых материальных потребностей большинства рядовых граждан. При падении производства ниже этого уровня начинается дезорганизация экономической системы в виде «кризиса», преодоление которого сугубо рыночными методами без «включения» механизмов государственного регулирования, как показывает практика, объективно невозможно. Такова *вторая линия дезингрессий, органически связанных с рыночной экономикой*.

Ещё одна фундаментальная дезингрессия обусловлена уже не экономикой, а политикой – точнее, политической системой *представительной демократии*. Данная форма управления государством была задумана ещё в конце XVII – начале XVIII в. с целью повышения эффективности государственной власти в управлении обществом. По мысли Джона Локка, Шарля Монтескье и других философов-просветителей, главным механизмом повышения эффективности власти должно было стать комплектование всех властных органов из выборных представителей народа, получивших доверие избирателей и несущих перед избирателями личную ответственность за принимаемые властные решения. Однако уже первые опыты реализации демократической модели государственного устройства в Англии и Франции на рубеже XVIII и XIX столетий выявили её принципиальный недостаток: пресловутые «выборные предста-

вители народа» довольно быстро превращались в профессиональных политиков и в силу большей компетентности в деле государственного управления максимально обособлялись от своих избирателей, доводя дело до фактической узурпации власти (особенно показательны в этом отношении такие примеры французской истории, как якобинская диктатура, термидорианский и бонапартистский перевороты: в каждом из этих событий профессиональные политики действовали от имени народа Франции, не только совершенно не интересуясь его мнением, но даже действуя вопреки этому мнению и действительным жизненным интересам собственных избирателей).

В результате *выборность политиков* в течение XIX в. превратилась из способа обеспечения ответственности власти перед обществом в *механизм эффективного ухода политической элиты от ответственности перед обществом*. Дело в том, что группа элиты, проявившая некомпетентность в управлении, после поражения на выборах вовсе не изымалась из политики, а лишь переходила в оппозицию до следующих выборов. В этом новом положении проигравшая группа политической элиты сохраняла шанс на возвращение во власть – правда, уже не за свои реальные дела (приведшие к проигрышу на предыдущих выборах) и не за повышение мастерства в управленческой работе (как этого ожидали «архитекторы демократии»), а исключительно за *эффектную критику любых действий своих более удачливых соперников*, занявших власть. При наличии, как минимум, двух групп элиты подобные перестановки могли повторяться сколь угодно долго, а специфика борьбы за голоса избирателей неизбежно формировала особую культуру труда профессиональных политиков, основанную на манипуляциях общественным мнением, компрометации соперников, т.е. *на риторике и красноречии вместо реального управленческого дела*, качество которого в течение столетия практически не изменилось.

Такое преобразование представительной демократии в XIX в. обусловило *дезингрессию* уже не просто между профессиональными группами или социальными «меньшинствами», но *между управляющими и управляемыми*. Прежде всего, к концу века в ряды политической элиты стали входить люди, подобные Дэвиду Ллойд Джорджу, которым ораторское мастерство и интуиция нередко заменяли профессиональное образование, хозяйственно-организаторский опыт и знание реального положения дел во внутренней и внешней политике страны. В этих условиях ошибки властвующих неизбежно накапливались, нарастая от выборов до

выборов и порождая пассивное сопротивление рядовых граждан, которые со временем утрачивали доверие не к конкретным личностям или партиям, а к политике вообще, считая её «порождением встречи мошенника с глупцом» (фраза Вольтера – правда, он говорил о религии).

Следствием этой фундаментальной дезингрессии стала пресловутая «хрупкость демократии», отмеченная уже в XX в. такими политиками, как У. Черчилль: общество, управляемое демократическими методами в ситуации мира и стабильности, при любом сколько-нибудь значительном дезорганизующем воздействии может сохранить управляемость лишь вследствие «свёртывания» демократических институтов – именно потому, что для преодоления последствий дезорганизующего воздействия требуются авторитарные мастера хозяйственно-организаторской или военно-организаторской деятельности, а не мастера красноречия, дебатов, интриг и компромиссов. При отсутствии достаточного количества специалистов-организаторов неизбежно наступает хаос, который специалисты-ораторы остановить не способны.

Подобное «поведение» Богданов не считал характерным для устойчивых систем, отличительной особенностью которых учёный называл как раз способность без структурных трансформаций возвращаться в стабильное (равновесное) состояние после прекращения дезорганизующих воздействий, интенсивность которых недостаточна для полного разрушения системы. Для сравнения: неравновесные системы даже после прекращения дезорганизующего воздействия недостаточной интенсивности продолжают разрушаться (деорганизоваться) вследствие вызванного этим воздействием столкновения внутренних элементов, и для восстановления равновесия требуется приложение дополнительных сил и средств – тем больших, чем дальше зашёл процесс разрушения [9. С. 141–145].

Типичным примером такого приложения сил и средств к неравновесной системе демократического государства с рыночной экономикой может служить детально проанализированная Богдановым система «военного коммунизма», сложившаяся в экономике и внутренней политике развитых стран во время Первой мировой войны. Деструктивное воздействие в виде «мирового военного кризиса» проявилось в разрыве интернациональных хозяйственных связей, обслуживавших интересы финансового капитала; в деформации национальных хозяйств, которая была обусловлена «мобилизацией экономики» и расширением военного производства за счёт сокращения жизнеобеспечения граждан; в замене рыночного распределения

жизненных благ на административно-бюрократическую уравнительную нормировку потребления; наконец, в замене представительной демократии на военно-бюрократическую диктатуру (кстати, наиболее отчётливо эта последняя особенность кризиса проявилась не во время Первой мировой войны, а позднее, в межвоенный период, когда Польшей управлял *маршал* Пилсудский, Венгрией – *адмирал* Хорти, правительство Румынии возглавлял *генерал* Антонеску, Финляндией руководил *маршал* Маннергейм, Советским Союзом – *маршал* Сталин, Испанией – *генерал* Франко, Китаем – *маршал* Чан Кайши, премьер-министром Японии был *генерал* Танака, да и Муссолини с Гитлером вполне заслуженно щеголяли в военной форме с боевыми наградами, так что на всей территории Евразии лишь Англия, Франция и Чехословакия могли «похвастаться» сугубо штатскими главами правительств – и то если забыть о военной карьере У. Черчилля, бывшего премьер-министром не только *после*, но и *до* «миротворца» А. Идена). По Богданову, своевременное принятие комплекса мобилизационных мер, осуществлённое политическими элитами воюющих стран интуитивно и стихийно, предотвратило сползание западной цивилизации в хаос, исключив массовые голодные бунты в тылу, распад фронтов и превращение противостояния государств в «войну всех против всех»; а авторитарно-диктаторские режимы облегчили процесс послевоенного восстановления общественной системы [Подробнее см.: 10. С. 316–321; 9. С. 435–445].

На фоне этих фундаментальных дезингрессий последний из элементов «символической тройки» – либеральная идеология – выглядит просто так характерным симптомом неравновесности социально-экономической системы.

Прежде всего, основные элементы этой доктрины, словно в зеркале, отражают дезорганизационные тенденции, порождённые конкурентностью и «прибылеориентированностью» экономической системы, а также демагогическо-манипулятивным характером политической власти. С точки зрения либерализма, основой прогрессивного развития общества должны быть последовательная реализация принципов свободы личности, прав человека и приоритета общечеловеческих ценностей над любыми узкогрупповыми нормами. Однако на практике «свобода личности», понимаемая как полное отсутствие принуждения, ограничений и внешнего контроля за деятельностью человека, *вообще недостижима в рамках социальной системы*, поскольку любой человек, живущий в обществе, волей-неволей

должен согласовывать свои действия с другими людьми уже просто по факту присутствия рядом с ними, иначе неизбежен конфликт с непосредственным окружением, т.е. *частичная дезорганизация системы социального взаимодействия*. Выход же «свободной личности» за пределы социальной системы не в философско-мировоззренческом, а в непосредственном материально-деятельностном смысле оборачивается либо гибелью этой самой личности, либо стойким психическим расстройством, которое провоцируется одиночеством и отсутствием общения, т.е. уже *полной дезорганизацией социального взаимодействия* применительно к самой «свободной личности».

Аналогичным образом, «права человека», рассматриваемые как самодовлеющая ценность, отделённая от обязанностей и ответственности человека перед окружающими, на практике становятся идеальным мировоззренческим обоснованием для социального паразитизма непродуцируемых групп общества, поскольку последовательная реализация данного принципа ставит в наиболее благоприятное положение именно тех, кто стремится лишь получать от общества жизненные блага, ничего не давая взамен – такая позиция обеспечивает идеальное соотношение затрат и выгод, а стало быть, самую высокую прибыльность. Столь парадоксальное положение дел, когда полная бездеятельность становится прибыльнее любой работы, свидетельствует о том, что соединение экономических дезинтессий, порождаемых рынком, с идеологическими дезинтессиями либерализма «запускает» *процесс социальной дезорганизации* уже не в отношении отдельной личности, а применительно к обществу и его ценностям как целостной структуре, группирующей активности людей и подчиняющей их целям коллективного жизнеобеспечения ради выживания.

Наконец, «общечеловеческие ценности», апеллируя к которым, сторонники либерализма доказывают универсальный, всемирно-исторический характер своей идеологии, – эти ценности в силу *крайней абстрактности и расплывчатости не обладают реальной организационно-мировоззренческой силой и не способны побудить какой-либо человеческий коллектив к практической созидательной деятельности*. Более того, приверженцы «общечеловеческих ценностей» на практике никогда не идут дальше повторения общеизвестных истин напоподобие того, что «жизнь человека, независимо от его расовой, национальной или религиозной принадлежности, сама по себе значима и является высшей ценностью», что «все родители в норме одинаково желают своим детям добра и счастья», что «любое общество

познаётся по своему отношению к слабым и незащищённым». Каким образом эти заезженные и плоские банальности должны организовать хотя бы небольшую группу людей на решение реальных проблем общества (вроде жизнеобеспечения тех же «слабых»), сторонники либеральной идеологии или не объясняют вовсе, или предлагают вместо разумной программы конкретных действий набор таких же абстрактных фраз о «самоорганизации неравнорядных людей» и «неизбежности преобладания здоровых социальных сил», причём под последними более или менее явно подразумеваются исключительно сами либералы и их единомышленники.

Повторим тектологические характеристики триады «рынок – демократия – либерализм»:

1) рыночная экономика, ориентированная на конкурентную борьбу и извлечение максимальной прибыли из всех форм хозяйственной деятельности, объективно запускает механизм «отрицательного общественного подбора», понижая требования к подготовке работников и сокращая финансовую поддержку отраслей, не способных обеспечить сверхприбыль; следствием этого является *прогрессирующий упадок общественного хозяйства*, выражающийся в уменьшении числа национальных предприятий и отраслей, замены собственного производства импортом, росте безработицы, гипертрофии финансовых спекуляций, нарастающей милитаризации экономики; вследствие этого экономическая система общества приобретает неравновесный характер и требует больших материальных и социальных издержек на искусственное сохранение устойчивости (при этом самым эффективным методом является манипуляция массовым сознанием, которую существенно облегчает снижение качества подготовки работников; именно использование манипулятивных технологий управления объясняет структурный дисбаланс кадрового состава современных корпораций, в которых численность менеджеров и юристов уже нередко превышает численность рабочих всех уровней квалификации – например, в IBM в настоящее время рабочих нет совсем, поскольку ради оптимизации издержек было решено полностью отказаться от производства вычислительной техники, перепродав соответствующие мощности китайской компании Lenovo; аналогичным образом, в региональных представительствах Adobe количество привлекаемых к работе юристов нередко превышает число всех штатных сотрудников, вместе взятых [11]);

2) представительная демократия, основанная на выборах как форме конкуренции политических сил, порождает парадоксальную систему отбора

элит: к власти систематически допускаются не те, кто продемонстрировал высокий уровень профессионализма в хозяйственно-управленческой сфере, а те, кто более умело манипулирует сознанием избирателей в ходе предвыборной кампании (т.е. не мастера реальных общественно полезных дел, а мастера красноречия и – нередко – скандала); вследствие этого политическая система общества также приобретает неравновесный характер и опять-таки требует больших материальных и социальных издержек на искусственное сохранение устойчивости (тоже в основном за счёт манипуляции массовым сознанием, с помощью которой рядовым избирателям в качестве жизненно важных проблем хронически преподносятся малозначительные вопросы вроде разрешения однополых браков, тогда как подлинно важные для страны задачи либо игнорируются как недостаточно «рейтинговые», либо – если их невозможно игнорировать – решаются в обход демократических институтов власти);

3) либеральная идеология, ориентированная на «свободу личности», защиту «прав человека» и «общечеловеческие ценности», при последовательной реализации собственных принципов не предполагает действительных изменений социальной системы (поскольку реальная программа осуществления таких изменений объективно отсутствует – её функции выполняет набор идеологических абстракций, допускающих самое широкое толкование), а лишь провоцирует отдельных людей (или небольшие группы единомышленников) на негативистский и потому бесплодный конфликт с этой системой; если исходить из марксистского тезиса о «надстроечном» характере идеологии, то внутренняя противоречивость либерализма может быть истолкована как отражение неравновесного состояния социально-экономической и политической системы в общественном сознании; любая другая интерпретация функций идеологии в социальной жизни тоже укажет на неравновесный характер либерального мировоззрения – хотя бы потому, что, согласно этому мировоззрению, в основе нравственного поведения людей должны лежать не моральные, а сугубо юридические нормы, или потому, что, согласно мнению многих современных либералов, демократическое большинство общества должно всегда поступаться своими законными правами ради реализации прав меньшинств.

Таким образом, общественная система, базирующаяся на триаде «рынок – демократия – либерализм», может функционировать лишь в искусственно созданных «тепличных» условиях, при которых:

а) уровень материального производства и импорта жизненных благ (в обмен на «бумажное золото») полностью покрывает потребности жизнеобеспечения общества;

б) политическая ситуация настолько стабильна, что вмешательство государства требуется лишь для урегулирования мелких бытовых проблем отдельных групп населения (вроде «проблемы» разрешения или запрета абортот и т.п.);

в) общественная идеология настолько монолитна в своём либерализме, что любые попытки её переосмысления оцениваются обществом сугубо негативно и требуют судебного вмешательства.

Как только ситуация выходит за отмеченные выше рамки, общественная система теряет устойчивость и вступает в фазу нарастающих автоколебаний, характеризующихся как «кризис».

Примерами таких кризисов могут служить исторические события последних двух веков. Особенно показательна в этом отношении Франция XVIII в., поскольку именно во время тогдашних событий все элементы триады проявились наиболее отчётливо и не были замаскированы более поздними организационными формами. Следует особо отметить, что:

а) рыночная экономика, активно поддерживаемая Кольбером и меркантилистами, чьим лозунгом было «Laissez faire, laissez passer» («Разрешите действовать» – основное требование свободной торговли, провозглашаемое именно меркантилистами, уверенными, что «рынок сам всё расставит по местам» и сам собой принесёт обогащение всей Франции), обеспечивала процветание Франции ровно до тех пор, пока «бумажно-золотые» спекуляции Джона Ло находили поддержку при дворе Людовика XVI; однако инфляционный шок спровоцировал лавинообразный рост цен на продовольствие, что стало главной *экономической предпосылкой* Великой Французской революции;

б) представительско-демократическая система управления, существовавшая тогда в весьма урезанном виде (как равное представительство сословий в Генеральных Штатах, подчинявшихся королю), тем не менее отреагировала на изменение экономической ситуации, но отнюдь не выработкой мер по организации жизнеобеспечения населения (т.е. пресечения спекуляций продовольствием), а всего лишь... критикой деятельности короля и его министров с позиций либеральной идеологии (основной акцент делался на коррупцию королевских чиновников и необходимость ослабления государственного контроля над хозяйственной жизнью страны); эта критика не только подрывала авторитет государственной власти (и без того ос-

лабленный вследствие инфляции и дороговизны продовольствия), но и формировала у населения устойчивое убеждение в том, что единственными выразителями его интересов являются оппозиционные политики, которых нужно привести к власти взамен «некомпетентных» и «продажных» королевских министров; такова была *политическая предпосылка* Великой Французской революции;

в) либеральная идеология, до того выражавшаяся в трудах философов-просветителей, нашла законченное и юридически оформленное воплощение в Декларации прав человека и гражданина, принятой Национальным собранием Франции (депутатов которого, кстати, собрал в столице король, созвавший Генеральные Штаты для выработки мер по наведению порядка в стране); поскольку Декларация фактически поставила знак равенства между интересами отдельной личности и интересами государства, то неподчинение государственным властям приобрело статус легитимного поведения; так была сформирована *мировоззренческая предпосылка* Великой Французской революции.

Показательно дальнейшее течение событий: после свержения короля и провозглашения республики новые либеральные властители Франции так и не решились проблему жизнеобеспечения граждан, оставив продовольственные спекуляции в общем и целом без последствий (на деле буржуа, вошедшие в новую власть, лишь устранили с этого специфического рынка конкурентов, используя для достижения данной цели политические репрессии против «врагов народа»); подавление протестных выступлений репрессивно-террористическими методами (в Вандее, Нанте и других регионах страны) привело к фактической замене демократии на диктатуру, прикрытую либеральной фразеологией (у якобинцев, в несколько меньшей степени – у термидорианцев), а затем и лишённую такого прикрытия (у Наполеона).

Если учесть, что последующие революции в Европе происходили по во многом похожему сцена-

рию, то можно с уверенностью сказать: и в XVIII, и в XIX, и в XX вв. дестабилизация социальной системы, делавшая революционные потрясения возможными, всякий раз имела своей основой вовсе не «реакционную политику клерикально-абсолютистского (или диктаторского, или тоталитарного) режима», а, напротив, стремление этого самого режима соответствовать признанному лучшими людьми страны прогрессивному социальному идеалу в виде триады «рынок – демократия – либерализм», т.е. *революционной ломке социальной системы всякий раз предшествовало ослабление авторитарного государственного регулирования хозяйственной и социальной деятельности*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любутин К.Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. М., 2003. № 9. С. 76–91.
2. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. 1904–1914 (Юбилейный сборник) // Неизвестный Богданов: в 3 кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. Кн. 3. 243 с.
3. Луценко А.В. Взгляд А.А. Богданова на причины идеологических конфликтов в РСДРП // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 101–104.
4. Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель {и популяризатор} (1873–1928) // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 106–123.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005. 588 с.
6. Бузгалин А.В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. М., 2008. № 1. С. 120–127.
7. Akhavan J. The Chemistry of Explosives. Royal Society of Chemistry (Cambridge), 2011. VII, 189 p.
8. Зорин В.С. Некоронованные короли Америки. 3-е изд. М.: Политиздат, 1970. 368 с.
9. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. 496 с.
10. Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
11. Adobe нанимает юристов для борьбы с пиратами в России // Новостной портал Vlasti.Net (04 февраля 2010) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vlasti.net/news/76417>, свободный.